

Идеал пластической красоты в антологической лирике Г.Р. Державина

В настоящее время очень актуальной является тема диалога культур: античной и русской. Античность – колыбель аксиологии. Изучение взаимодействия русской и античной культур – изучение истории сохранения духовных ценностей, значимых в античности и воспринятых и переосмысленных русской культурой: красота, гармония, калокагатия, эйдос и многие другие. На стыке с русской традицией восприятия возникает понятие «русская античность», которое исследовалось как философиями (Г.С.Кнабе, П.С.Шкуринов), так и литературоведами (М.Л.Гаспаров, С.А.Кибальник, Л.И.Савельева, С.А.Салова).

Г.Р.Державин – итоговая фигура XVIII века, в его творчестве прослеживается синтез классицизма, предромантизма и иных течений. Кроме того, изучение круга вопросов, связанных с именем Г.Р. Державина и его творчеством, становится очень востребованным в свете новой волны интереса к наследию этого поэта. Подтверждением служат проходившие в недавнем прошлом мероприятия: «Державинские чтения», проходившие с 2005 по 2015 г. в Москве, с 2015 – в КФУ; научные конференции АРСИИ им. Г.Р. Державина, по итогам которых было издано 16 сборников трудов конференций; международная научная конференция, по материалам которой был выпущен сборник «Г.Р. Державин и диалектика культур» (2012 г., Казань-Лаишево). Кроме того, активно с конца 1990-х гг. защищаются диссертации по творчеству Державина (А.А.Казакевич «Концепция человека в «Анакреотических песнях» Г.Р.Державина» – 1997 г., Москва; М.Я.Паит «Проблемы рецепции ОД и эподов Горация в России XVIII-начала XIX вв.: на примере творчества Г.Р.Державина» – 2004 г., Москва).

Цель нашей работы – исследовать трансформацию идеала пластической красоты в творчестве Г.Р.Державина через рассмотрение развития античной лирико-философской традиции в отечественной поэзии.

Тема античности в стихотворениях Державина неоднократно исследовалась. Во второй половине XX – начала XXI вв. значимы работы таких ученых: Г.Н.Ионин, С.А.Салова, А.И.Иваницкий, Е.Я.Данько, Л.В.Чернышева, О.М.Буранок.

Примечательно, что антологическую лирику Державина рассматривают преимущественно с позиций анакреонтики, хотя и с оговорками о

трансформации и русской интерпретации античного материала, а также об использовании элементов «легкой поэзии». Со второй половины XX в. и до настоящего времени чаще всего лирика Державина изучается с позиций ее философской составляющей. Новизна нашего подхода заключается во взгляде на антологическую поэзию Державина через один из мировоззренческих концептов античности – пластическую красоту.

Красота в античной эстетике понималась как истина, мир, мудрость. В философии Платона именно идеи прекрасного и блага венчали собой всю иерархическую систему идей. В соотношении с идеалами красоты понималась в античности и гармония физических стихий, соединенных в человеческом теле, когда «душа» подчиняла себе эти «стихии». В видении древних, из идеала, который сформирован в этих стихиях, и появляется феномен красоты.

Таким образом, центром античной культуры признавалось человеческое тело, телесная красота. Но стоит отметить то, что идеалом древних греков являлась не просто красота или тело как таковые, а пластическая красота.

Понимание пластической красоты в античности связывалось прежде всего со скульптурными образами, запечатленными в искусстве. В мировой философской мысли от И.-И. Винкельмана и Г.-В.-Ф. Гегеля до О. Шпенглера и А. Ф. Лосева утверждается именно скульптурность античной культуры. Эстетический идеал в первую очередь был воплощен в скульптуре античности. Это свидетельствует о том, что не только искусство, но и само сознание древних греков было пластичным.

Таким образом, пластическая красота являлась отражением этико-эстетического идеала античности применительно не только к человеческому телу, но и к искусству. В нашем понимании пластическая красота – это античный этико-эстетический, аксиологический идеал, представляющий собой квинтэссенцию соединения внешней и внутренней красоты в системе ведущих нравственных понятий, таких как истина, добро и мудрость.

Пластическая красота в антологической традиции русской лирики неразрывно связана с античным идеалом калокагатии – гармонии внутреннего мира человека с его внешним обликом: красота тела в видении античных деятелей искусства выражала красоту духовную.

Из взаимодействия телесного и духовного в фокусе калокагатии рождаются три определяющие идеи:

1) красота как «священная плоть» – телесная красота (калокагатия – гармония внешнего и внутреннего содержания)

2) красота как отражение Ойкумены (внутренней вселенной)

3) красота как проявление обожествленной высшей субстанции через пластику тела

В русской культуре и литературе понимание «пластической красоты» оказалось на стыке сразу нескольких традиций:

- античной культуры;
- философии и эстетики Древней Руси;
- нравственно-эстетических учений Европы.

Под влиянием уже европейской философско-эстетической мысли в русской традиции к середине XVIII века закрепляются новые смысловые значения феномена «пластической красоты». Теперь под нею нередко понимают явление, возникшее на стыке разных искусств. В связи с этим важным для понимания пластической красоты становится явления «экфрасиса». В настоящее время большинство исследователей склоняются к тому мнению, что экфрасис «описывает произведение пластического искусства с точки зрения того, что на нем и как изображено» (Фрейндерберг). Мы трактуем данное понятие в узком смысле: как описание средствами слова визуальных изображений. Мы выделим два вида экфрасиса для анализа: скульптурный и живописный.

Обратимся к стихотворению Державина «Фальконетов Купидон» (1804).

... Встал я – и, держась за стенку,
Шел на цыпках, чуть дышал,
За спиной он в туле стрелку,
Палец на устах держал.
Тихой выступкой такую
Мнил он лучше дичь найти <...>.
«Испугавшись смертельно,
Камнем стал мой Купидон;
Я проснулся, – рад безмерно,
Что то был один лишь сон.
Сна, однако, столь живого
Голова моя полна;
Вижу в мраморе такого
Точно Купидона я.

[Державин 1986: 82]

В данном стихотворении Державин использует вид косвенного экфрасиса – они лишь намекает на мраморного Купидона работы Фалько-

нета. Державин изображает бога любви с традиционными атрибутами – колчаном и стрелами, приложившего указательный палец к губам. Скорее всего, поэт видел скульптуру в коллекции князя А.А.Безбородко. Державин глубоко ощущал связь живописи и скульптуры с жизнью реальной. Поэтому пластическая красота Державина – чувственная, осязаемая, не статуарно-холодная. Мотив ожившей статуи, используемый Державиным, берет корни еще в античности (миф о Пигмалионе). Поэт не слепо следует традициям экфрасиса. Сам факт появления живой, игривой статуи Купидона демонстрирует, что пластическая красота для Державина – это не просто ледяной бездушный мрамор, она включена в жизнь даже на бытовом уровне: по сюжету стихотворения Купидон, бог любви, ночует с охотниками.

Иным Амур предстает в другом стихотворении Державина «Амур и Психея» (1793).

Амуру вздумалось Психею,
Резвися, поимать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать <...>.
Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой;
Психея не бежит, не стонет, —
Свились, как лист с травой.

Так будь чета век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовью душа.

[Державин 1986: 12]

Мы вновь наблюдаем не сухое и методичное описание скульптуры. Державин воссоздал свое видение античного мифа об Амуре и Психее и вдохнул в статую жизнь. Примечательно то, что описание скульптур у Державина зачастую более «живые», чем описания реальных людей у других поэтов.

В данном стихотворении мы встречаем союз любви и красоты, он является гармонизирующим началом.

Интересным представляется сравнение со стихотворением «Любителю художеств» (1791). В нем Державин изображает Аполлона:

В весельи сердце утопает,
Как будто бога ощущает,
Присутствующего со мной!
Я вижу, вижу Аполлона
В тот миг, как он сразил Тифона
Божественной своей стрелой:
Зубчата молния сверкает,
Звенит в руке священный лук;
Ужасная змия зияет
И вмиг свой испускает дух,
... Я зрю сие, — и вмиг себе представить мог,
Что так невежество сражает света бог.
[Державин 1986: 33]

Этот экфрасис представляет собой воссоздание скульптуры Аполлона Бельведерского. Скульптура у Державина вновь, как и в предыдущем стихотворении, оживляется, но и в ином ключе: статуя не статична, поэт воссоздает, видя скульптуру, финал битвы Аполлона с Пифоном, а не конечный результат – победу Аполлона. Державиным подчеркивается божественность Аполлона. Его красота – гармонична. Поэт устами лирического героя выражает восхищение божественным началом Аполлона.

В стихотворениях Державина отражен гармонический взгляд на мир, мир, наполненный любованием красотой. Пластическая красота в видении поэта – гармонизирующее начало, преображающее мир.

Таким образом, в державинском понимании скульптурной пластической красоты можно выделить следующее:

- 1) Принцип ожившего изваяния, скульптуры в движении;
- 2) Философия тайного жеста (знака);
- 3) Пластика соития.

В первом стихотворении соитие человека и идеала происходит через сон, во втором стихотворении – Амур и Психея соединяются и сливаются в своей любви, в третьем происходит соитие красоты и смерти, что является символом вечности. Не случайно Державиным используется образ змеи (Пифон), которая также традиционно олицетворяет вечность.

Еще одним проявлением пластической красоты в поэзии Державина выступает живопись.

Державин с детства любил рисовать. Живя в провинции под Казанью, маленький Державин занимался денно и нощно рисованием. Позже, уже после окончания гимназии, он был вынужден служить рядовым в

гвардии. Поэт оказался отлученным от искусства живописи, что навсегда определило его восприимчивость к изобразительному искусству. Для Державина поэзия становится «говорящей живописью». Кроме того, эталоном для него был Гораций, который уподоблял поэзию живописи.

Живопись – явление для экфразиса в ряде моментов более сложное, чем скульптура. Здесь важно соблюдать динамику гармонии пластики внешней и воображаемой. На примере «Фальконетова Купидона» (1804) можно проследить, где произошло «колебание» между реальным восприятием скульптуры и сном. В стихотворениях о картинах Державин на этой почве создает явление воображаемого портрета.

В следующих стихотворениях Державин также использует вид косвенного экфразиса. «К Анжелике Кауфман» – в данном произведении лирический герой поэта просит художницу создать портрет его жены. Таким образом, перед нами в стихотворении воссоздается воображаемый портрет.

Напиши мою Милену,
Белокурую лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;

Чтоб похожа на Минерву
С голубых была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней.

[Державин 1986: 32-33]

В другом стихотворении – «Варюша» Державин также рисует воображаемый портрет:

Написал бы, как в диване
В голубом твоём тюрбане
Ты сидишь и, для красы
На чело спустя власы,
Всех улыбкою любезной
Вмиг умеешь полонить:
Должно быть душе железной,
Чтоб, взглянув, не полюбить.

[Державин 1986: 56]

Сравним с другим стихотворением Державина «Рождение красоты», в котором он пересказывает античный миф о рождении Афродиты.

... и Красота
Вмиг из волн морских родилась.
А взглянула лишь она,
Тотчас буря укротилась
И настала тишина...
Боги молча удивлялись,
На красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани — от красот.

[Державин 1986: 46]

Основным мерилom всего в жизни для Державина выступает красота. По Державину, появление красоты способно нести мир и согласие как в жизнь людей, так и в жизнь богов. Красота для поэта – некая высшая сила, перед силой которой склоняются даже греческие боги.

1) Во всех 3 стихотворениях выступает мотив голубизны как знак диалога моря и неба. Со времен Жуковского это – знак невыразимого, и знак пластической красоты.

2) Кроме того, все роднит многозначительная улыбка. В первых 2 стихотворениях это именно улыбка, в 3 – улыбка как улыбчивый взор.

3) В последнем стихотворении появляется важный мотив красоты как тишины.

Итак, мы увидели, что пластическая красота является важной для понимания антологической лирики Державина. Пластическая красота для поэта – одно из проявлений вселенской гармонии, соприкосновение с божественным. Державин не просто воспринимает античную философию пластической красоты, но и трансформирует ее.

Литература

Державин Г.Р. Анакреонтические песни / Г.Р. Державин; под ред. Г.П. Макогоненко. – М.: Наука, 1986. – 471 с.

Экфрастические жанры в классической и современной литературе: монография / Н.С. Бочкарева, К.В. Загороднева, Е.О. Пономаренко [и др.]; под общ. ред. Н.С. Бочкаревой. – Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2014. – 204 с.

Баранов С.А. Античный образ человека / С.А. Баранов // Вестник новгородского государственного Университета Им. Ярослава Мудрого. – 2009. – № 2. – С. 23-30.